

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА В XXI ВЕКЕ: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И ТЕОРИИ⁸

Бузгалин А. В., д. э. н., профессор
*Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, главный редактор журнала «Альтернативы»
(г. Москва, Россия)*

*Посвящается памяти моего учителя –
профессора Николая Владимировича Хессина*

Политическая экономия социализма существовала на протяжении долгих десятилетий. Теперь политической экономии социализма как бы нет. И то, что она, *prima facie*, ушла в прошлое, является не столько констатацией, сколько вызовом для специалистов в области политической экономии. В этих условиях возникает вопрос: что для нас, ученых, осталось от этой науки? Этот вопрос должен решаться в достаточно широком контексте.

Начну с некоторых предварительных замечаний.

В этом тексте я буду размышлять, прежде всего, о *советской политической экономии*, акцентируя внимание, но не исключительно, на политэкономии социализма университетской школы. Между тем, эта наука существовала (пусть не имея тогда своего имени) еще в предсоветскую эпоху (в виде некоторых положений, обобщающих объективные тенденции рождения новой, посткапиталистической экономики); существовала и существует политическая экономия социализма, развивавшаяся вне Мировой социалистической системы.

©Бузгалин А.В., 2011

⁸ Данный текст является переработанным вариантом доклада и заключительного слова, с которыми автор выступал на круглом столе «Политическая экономия социализма: наука или?», проходившем в течение двух дней в МГУ им. М.В. Ломоносова. Автор выражает свою искреннюю благодарность всем участникам дискуссии за высказанные замечания и предложения. Текст впервые был опубликован в книге «Политическая экономия социализма в экономической теории XXI века» (М., 2003); сокращенный вариант текста опубликован в журнале «Вопросы экономики» (2003, №3). Основные положения текста были разработаны совместно с А.И. Колгановым.

В настоящее время на многих языках мира публикуются книги по экономической теории социализма (особенно часто дискутируемая тема – «рынок и социализм»), особенно велик поток работ на эту тему в Китае, Вьетнаме, на Кубе, но и в США, странах Западной Европы на эти темы публикуется не одна сотня текстов ежегодно. Наконец, работы по экономической теории социализма продолжают вестись и публиковаться в современной России.

Свой анализ я начну с конца – с краткой характеристики того, что составляет, на мой взгляд, наиболее важные достижения нашей науки – и лишь затем, зафиксировав их наличие (и тем самым указав читателю на позитивную роль политической экономии социализма), я поставлю наиболее спорные и важные вопросы – о наличии у нашей науки действительного предмета, соотношении нормативного и позитивного подходов и т. п.

1. О некоторых реальных достижениях политической экономии социализма

В качестве важного предварительного замечания зафиксирую: *общей установкой для трактовки нашего прошлого должно быть разграничение апологетической функции политической экономии социализма и ее научного содержания.* Позволю себе своего рода параллель с теологией как наукой средневековья. Эта наука достаточно апологетично описывала реальную практику духовной и, отчасти, социальной жизни средневекового общества. Она являлась едва ли не единственной наукой о том, как была устроена эта жизнь. И в ней была масса положений, которые с точки зрения атеиста не выдерживают никакой критики. Тем не менее, эта наука абсолютно необходима для понимания природы капиталистического общества. Надо видеть в ней, с одной стороны, чисто начетническую, апологетическую функцию, а с другой – элементы научных представлений о реальных отношениях того общества, которые она отражала в крайне специфической, превращенной форме.

Точно так же и политическая экономия социализма отражала феномены реальной экономики СССР в крайне специфическом виде, при помощи особого языка, что предполагает умение читать эти тексты. Например, любой ученый или студент, столкнувшись с формулировкой: «в соответствии с решениями ... съезда КПСС происходит то-то и то-то», тут же перестает читать такой текст, поскольку понимает, что экономика развивалась не вследствие решений съезда. Но препарирование этого текста показывает, что и ученые того времени понимали, что экономика развивается объективно, а цитаты вставлялись для того, чтобы текст был опубликован. Если из апологетической шелухи политической экономии социализма «вышелушить» ее реальное содержание, она оказывается очень полезной для понимания той жизни, которая складывалась в реальных условиях советской системы.

Еще один важный дополнительный момент: *не только теория, но и сама экономическая жизнь нашего прошлого была устроена как система превращенных форм,* скрывающих свое реальное содержание. А наука «политическая экономия социализма» была идеализацией этих превращенных форм. По объективным причинам (в том числе внешней и самоцензуры) наша наука идеализировала экономику мировой системы социализма, выдавая свои теоретические представления об экономике социализма за реально существующие отношения.

Нечто подобное происходит и в западной науке. Скажем, реальные отношения управления фирмами, где есть коррупция, блат, бюрократия, внеэкономическое принуждение (посмотрим на фирму как на реальную систему, уходящую корнями в труд полунаемных, полузависимых работников в странах третьего мира) и масса других отношений, далеких от моделей, предлагаемых теорией менеджмента. Учебник менеджмента всего этого «не видит», рисуя идеализированную картину матричной или гипертекстовой структуры управления, использующей доктрину человеческих отношений и т. д. Реальные процессы функционирования реальной системы управления во всем богатстве западная теория управления (и не только она) не описывает. Эти теории – идеализированная картина превращенных форм реальных отношений внутри корпораций. Точно так же политическая экономия социализма давала определенную идеализированную картину превращенных форм нашей прежней реальной жизни.

Позитивный анализ политэкономии социализма я проведу исключительно в том смысле, что *наряду с доминировавшей в этой науке апологетикой она содержала и рациональные зерна.* Ниже я буду акцентировать внимание именно на этих немногих «зернах», а не многочисленных плевелах (последние критиковались многократно). Вот почему утверждение о сохране-

нии политической экономии социализма как актуальной для нашей современной теории имеет определенное значение, по крайней мере, в трех смыслах.

Первое. *Эта наука полезна и необходима для понимания природы экономики «реального социализма»* – той экономической системы, которая существовала в СССР и других странах мировой системы социализма.

Второе. *Эта наука полезна для понимания будущего, которое называют постиндустриальным, информационным или даже постэкономическим обществом.*

Третье. *Она полезна и необходима для понимания природы трансформационной экономики.*

Обоснование этих тезисов начну с анализа структуры экономической системы (системы категорий и законов политической экономии), предложенной университетской школой политической экономии в «Курсе политической экономии» социализма под редакцией Н.А. Цаголова.

1.1. Разработка проблем структуры экономической системы: система категорий политической экономии социализма как ключ к структуре экономических систем

Эта структура экономической системы (и, соответственно, системы категорий политической экономии) сама по себе является важным достижением, и поэтому следует начинать именно с нее. Ее основными положениями является выделение, во-первых, исходного отношения, характеризующего взаимосвязь производителя и потребителя, форму продукта и определенную социально-экономическую форму труда. Университетская школа политической экономии предполагала, что это планомерная форма связи производителя и потребителя, непосредственно общественный или непосредственно обобществленный (были разные трактовки) характер труда и, соответственно, такая же форма продукта. Во-вторых, предполагалось, что экономическая система включает в себя основное экономическое отношение или способ соединения работника со средствами производства, который отражается в отношении собственности. Университетская школа показала, что в основе общественной собственности лежит непосредственно общественный способ соединения производителей с общественными средствами производства. Далее говорилось об определенной системе параметров распределения общественного дохода (распределение по труду), воспроизводства и, наконец, системе хозяйства (хозяйственном механизме). Эта структура (но не содержание) оказалась на удивление жизненной и на удивление важной для понимания природы экономической системы вообще.

В самом деле, ход радикальных реформ, сломав старую систему, обнаружил ее структуру. Этот слом и логика либеральных реформ, как ни странно, показали правоту университетской школы политической экономии. С чего начинались радикальные преобразования? С *замены планомерности товарной системой отношений* или либерализации – лозунга, который повторяли все, в том числе и те, кто никогда не был знаком с университетской школой политической экономии.

Следующий шаг реформ: довольно быстро выяснилось, что сама по себе быстрая смена плана рынком не обеспечивает достаточный простор для развития новых отношений, что для такого развития необходимо изменить способ связи производителя со средствами производства, *изменить экономическое содержание и формы отношений собственности*. Процесс приватизации последовал вслед за либерализацией буквально через несколько месяцев. Либерализация и приватизация, в свою очередь, привели к радикальному изменению системы распределительных отношений, в частности, структуры, источников и способов получения доходов, их иное вторичное перераспределение и т. д.

Наконец, все это сказалось, естественно, на *отношениях воспроизводства*. Экономика воспроизводства в мировой системе социализма описывалась то ли отношениями и законами социалистического накопления, то ли «формулой» Я. Корнай «экономика дефицита». Ее трансформировали в новый тип экономики – переходной, – для которой были характерны и кризис, и инфляция, и некоторые другие черты перехода к рынку. Радикальные реформаторы в этих условиях ставили задачу стабилизации, т. е. изменения отношений воспроизводства или макроэкономического функционирования системы.

Тем самым слом экономики советского типа и логика радикальных реформ волей-неволей повторили логику политической экономии социализма, которая наиболее явственно обнаруживает структуру всякой экономической системы. На современный язык эту структуру (исходное и

основные производственные отношения, отношения распределения и воспроизводства) можно перевести как способ координации и аллокации ресурсов (исходное отношение), отношения собственности (основное отношение) и т. д.

Итак, *первое достижение политэкономии социализма состоит в том, что она в крайне специфическом виде отразила структуру всякой экономической системы.*

Теперь по поводу конкретных элементов этой структуры, их трактовки и того, что из этого может быть использовано для решения названных трех проблем: понимания нашего прошлого, понимания экономики будущего и современной российской экономики.

1.2. Экономика реального социализма: к проблеме пострыночного способа координации («отношение планомерности»)

Под этим углом зрения можно взглянуть и на конкретные достижения политической экономии социализма. Что показывала планомерность как исходная характеристика нашей предыдущей экономической системы? Она показывала, что эта система была плановой. Сколько бы мы ни спорили о природе экономики мировой системы социализма – сейчас для нас очевидно, что она в исходном пункте была именно плановой. И разработка (причем не только теоретическая, но и доведенная до практических рекомендаций) системы методов и форм народно-хозяйственного планирования при всех его противоречиях была одним из реальных достижений нашей теории.

В то же время трактовка этой системы как пропорционально развивающейся (вопреки вопиющей проблеме дефицита, очевидной для всех: и обывателей, и экономистов-профессионалов) была очевидной апологетикой, равно как и игнорирование бюрократизма, блата, «плановых сделок» и т. п. (впрочем, обо всех этих явлениях мы полулегально писали уже в конце 70-х).

Далее, политическая экономия социализма показала, хотя и в крайне идеализированной форме, что *плановая система обладает довольно сложной внутренней структурой.* Сегодня это принято забывать, причем даже простейшие тезисы. Так, до сих пор повторяется, что плановая экономика нежизнеспособна, потому что из одного центра нельзя спланировать двадцать миллионов видов продукции, хотя очевидно, что (1) это была иерархическая система планирования, включавшая много уровней; (2) планировались только важнейшие виды номенклатуры; (3) эта система предполагала наличие договорных отношений и определенной самостоятельности предприятий и т.п. Все это в политэкономии социализма было достаточно общепринятым, но ныне почти забыто. Сегодня забыто и то, что плановая система предполагала определенную систему общественного контроля за органами централизованного управления, что в наиболее интересных разработках писалось об отношениях самоуправления на всех уровнях (от бригады до народного хозяйства в целом) и механизмах, обеспечивающих функционирование системы органов управления как представителя общества в целом и т. п.

Вся эта совокупность параметров сегодня необходима для понимания экономики прошлого, но ее можно использовать только при условии учета того, что она была идеализированной картиной этого прошлого. Проникновение за покровы идеализации позволяет увидеть реальные черты нашей экономики: механизмы бюрократизма, планового фетишизма, блата, плановой сделки, ведомственности, местничества и многих других параметров.

Обратимся к пониманию сегодняшнего дня. Видимо, в сегодняшней трансформационной экономике сохраняются элементы этих отношений, но вот вопрос: в каком виде? Этот вопрос необходимо поставить – и поставить его как проблему сохранения всей системы отношений централизованного управления (включая бюрократизм, ведомственность, местничество, коррупцию и т. д.).

Второй вопрос, касающийся сегодняшнего дня. И методология вообще и методология политэкономии социализма в частности показали, что *кроме плановой и рыночной систем существуют и другие способы координации.* В частности, в отличие от нынешней mainstream мы не забывали о такой форме координации, как натуральное хозяйство, и *переходных формах.* Для понимания анализа способов координации в переходной экономике выделение, как минимум, этих трех форм и сложных переходных состояний, по-моему, принципиально значимо. Более того, то, что в результате перехода от плана к рынку может появиться натурально-хозяйственная связь, теоре-

тически можно было прогнозировать, но не только в том случае, если мы понимаем историзм развития форм координации (форм связи производителя и потребителя).

Далее, принятие во внимание политической экономии социализма и исторического подхода вообще позволяет понять, что существуют и другие типы координации: дорыночные и пострыночные. Если мы ставим вопрос о том, что существует *пострыночный способ координации*, то политическая экономия социализма как наука, обращающаяся к определенной практике, в принципе отвечает на этот вопрос положительно. Исходя из этой логики, можно сказать, что система рыночной координации в определенный период возникла; следовательно, можно предположить, что в определенный период она отомрет. Следовательно, мы можем поставить проблему: как взаимосвязана реальная практика нерыночной в своей основе экономики мировой системы социализма (и идеализирующая, но отражающая ее теория планомерности) с будущей пострыночной координацией?

Уже сама по себе постановка этой проблемы существенно изменяет трактовку нынешней экономики. В частности, в этом случае правомерен вопрос: нерыночные механизмы координации, которые существуют сегодня в развитых экономических системах (такие, как государственное регулирование, регулирование со стороны общественных организаций, сложная интернациональная система нормативов в области труда, качества продукции, затрат, экологических ограничений и т.д.) – все это лишь элементы рыночной системы в ее развитии или это зародыши нового пострыночного способа координации?

Еще более интересным этот вопрос становится, если мы вспомним знаменитый спор о планомерности и товарном производстве при социализме. Не секрет, что *мера соотношения плановых и рыночных начал* – поле вечного спора либералов и социал-демократов, монетаристов и нео(пост-) кейнсианцев и т. п. Более того, можно вспомнить, сколько говорилось в политической экономии социализма о системе показателей косвенного планирования, соотношении так называемых «административных» и «экономических» (точнее – прямых и косвенных) методов управления, о системе государственного заказа. «Работают» ли в современных экономиках механизмы госзаказа и косвенного регулирования? Да. Но если посмотреть внимательно на стандартный курс экономической теории, то легко заметить, что система государственного управления и регулирования (через прямые и косвенные методы, включая госзаказ и все остальное) как целостная система и как целостный раздел экономической теории, т. е. как фундаментальная теоретическая проблема, в нем отсутствует. В экономике общественного сектора эта проблема рассматривается, но и то, скорее, в плоскости функционирования, а не как проблема поиска меры развития и субординации различных функций государства в экономике. До сих пор все это рассматривается исключительно как «провал рынка» (подобно тому, как в Европе весь мусульманский мир рассматривался как «провал христианства»). Между тем, система государственного регулирования экономики – это огромная сфера реальной экономической жизни с огромным объемом ресурсов (до 50% ВВП перераспределяется в развитых странах при помощи государства). И многое из сделанного для ее анализа политэкономией социализма можно и должно использовать.

Многие из названных выше механизмов государственного регулирования, конечно же, хорошо известны и экономикс, но я хотел сделать в данном случае иной акцент, опирающийся на методологию политической экономии социализма, а именно: во всех этих случаях *за конкретными экономическими функциями государства скрывается новый пласт экономической реальности – отношения сознательного регулирования экономических процессов в общенациональном (региональном, международном) масштабе*. Эти функции государства качественно отличны от традиционных (акцентируемых экономикс) функций государства как института волевого (не-экономического) поддержания условий функционирования рынка, капиталистической системы хозяйствования (функции по защите прав собственности, регулированию денежного обращения и т. п.). Этот водораздел – отнюдь не теоретическая конструкция. Именно здесь проходит линия, разграничивающая рыночников-либералов и государственников-социалистов (от социал-демократов и далее влево). Первые стремятся всячески ограничить роль государства исключительно не-экономическими функциями по созданию условий для развития рынка, вторые (часто даже не осознавая этого теоретически, наподобие мольеровского героя, не знавшего, что он говорит прозой) стремятся к развитию новых, пострыночных экономических отношений, реализуемых при помощи государства (но, как я покажу ниже, не сводимых к деятельности этого института).

Вот почему спор на протяжении десятилетий и в мире, и в России идет не том, сильное или нет государство нам нужно – сильным может быть и фашистская пиночетовская диктатура, защищающая модель «Чикаго-бойз», – а о том, повторю, развивать или нет в экономике новые, пострыночные отношения. Либералы неслучайно столь активно выступают против осуществления государством селективного и антициклического регулирования, развития социальных трансфертов и бесплатного распределения общественных благ – во всем этом они «нутром чувствуют» действительно угрожающие всевластию рынка и капитала зародыши новых общественных отношений. И именно для исследования последних нам может быть полезна политическая экономия социализма (естественно, опять же намеренно повторяюсь, при условии отделения ее апологетической шелухи от ростков научной теории пострыночной экономики).

1.3. Присвоение и отчуждение: противоречия человеческого измерения экономики («основное производственное отношение» и «основной экономической закон»)

Следующий компонент – так называемое основное производственное отношение, основной экономический закон «социализма».

Да, мы безусловно должны признать, что важнейшей стороной «реального социализма» было отчуждение трудящихся от средств производства, а официальная политэкономия социализма на это закрывала глаза.

Да, идеализированная картина, нарисованная политэкономией социализма, не соответствовала действительности (кстати, наша наука полулегально показала это сначала в 20-е гг., а затем в начале 1980-х гг. XX в. Но она поставила важнейшую проблему: как в сущности были устроены отношения собственника и работника. Политическая экономия социализма (в ее университетской трактовке) раскрывает проблему исторического понимания содержания собственности. Какое экономическое содержание, какие реальные отношения, какие реальные лица скрываются за той или другой формой собственности? Так ставилась проблема в рамках университетской школы политической экономии. Не какая форма собственности господствует, а какие реальные отношения, какие реальные лица, какие механизмы присвоения и отчуждения скрываются за этими формами.

При таком подходе уже недостаточно утверждать, что вся тайна советской экономики состоит в господстве государственной формы собственности.

Для сегодняшней ситуации, опять-таки, необходимо использовать исторический подход к содержанию отношений собственности, понимая, что содержание («начинка») отношений собственности, скрытое за теми или иными формами, может быть различно и исторически изменяется; не только частная, но и государственная собственность требуют изучения в переходной экономике с точки зрения выявления их реального содержания. За многообразием форм собственности скрыто многообразие производственных отношений, включая отношения и добуржуазного присвоения (отчуждения), и пережитки «реально-социалистического» присвоения (отчуждения), и элементы частнокапиталистического отчуждения и присвоения и т. д. Если взглянуть вглубь этих отношений, то окажется, что та методология, которая была нами использована в прошлом для создания идеализированной картины «социализма», позволяет (при творческом, критическом использовании этих наработок) понять реальную картину экономических отношений собственности нашего настоящего гораздо глубже, нежели на основе типичного ныне формального подсчета того, какова доля частной собственности, сколько акционировано предприятий и т. д.

Далее. Из анализа «основного отношения» политическая экономия социализма делала вывод о том, что экономика этого общества подчиняется задаче роста благосостояния и свободного всестороннего развития человека (это был так называемый основной экономический закон социализма). Сама по себе эта постановка является (что достаточно понятно) идеализацией. Но по преимуществу постановка проблемы, сформулированной в этом законе, – обеспечения свободного всестороннего развития человека и роста его благосостояния – требует соизмерения этой цели с реальными достижениями «реального социализма». Надо посчитать, как росло благосостояние и в каких показателях его измерять, как развивался человек и какие результаты (какие реальные элементы развития «человеческих качеств») были достигнуты в наших странах.

Если пойти еще дальше, то надо вспомнить, что мы исходили из более полной (сегодня уже почти утерянной) трактовки результатов экономического развития. *Мы включали тогда в результат не только уровень потребления, но и меру развития творческого содержания труда и объем свободного времени.* Сегодня эти параметры меры экономического развития крайне редко используются для оценки и прошлого, и настоящего, и будущего. Лишь отчасти они используются и для оценки экономики развитых стран, мировой экономики. *Индекс человеческого развития*, который относительно недавно стал использоваться в статистике ООН, учитывает лишь относительно ограниченный спектр этих результатов, он *гораздо беднее* того *интегрального показателя благосостояния*, который использовался политэкономией социализма для оценки результата развития экономической системы. И если по этим параметрам пересчитать результаты и сравнивать экономики Советского Союза, развитых, развивающихся стран и нынешнюю Россию, то мы можем получить показатели, существенно отличные от того, что мы получаем при оценке объемов потребления или ВВП на душу в долларовом исчислении (даже при учете паритета покупательной способности).

1.4. Экономика сверхдержавы – экономика дефицита («закон социалистического накопления»)

Следующий компонент системы категорий политической экономии социализма – так называемый «закон социалистического воспроизводства». Апологетическая функция политэкономии социализма не позволила ей открыто проанализировать одну из главных черт воспроизводства прошлого – дефицит (хотя в полулегальных работах конца 70-х – начала 80-х XX в. мы об этом писали). Однако были и достижения. К сожалению, сегодня мы потеряли много постановок, которые тогда были хорошо известны, в том числе, и в рамках университетской школы политической экономии. Это, например, трактовка двойкой воспроизводственной связи, которая в упрощенном виде звучала так: *чем выше экономический потенциал социалистической экономики, тем больше возможности роста благосостояния и всестороннего развития человека; чем выше уровень благосостояния и потенциал развития человека, тем больше возможности для развития экономики.*

В этой двойкой связи в достаточно специфической (идеализирующей практику социализма) форме была выражена общая универсальная закономерность воспроизводства экономики постиндустриального типа, где главным фактором (источником, «ресурсом») и высшей ценностью экономического развития является человек и его качества. Фактически политической экономией социализма было показано, что экономический потенциал может и должен «работать» прежде всего на развитие человеческих качеств, потенциала и креативных способностей личности, каковые и есть главный источник роста экономики в будущем. Замечу, что эта связь была сформулирована в виде *противоречия*: чем больше мы потребляем сегодня, тем меньше у нас возможностей для развития экономики будущего (количественное противоречие), а также в виде качественной противоположности этих двух параметров, с выходом на трактовку социальной воспроизводственной эффективности при выделении этой связи на макроуровне, на уровне хозяйственных звеньев и т. д.

Эти параметры очень важны для оценки реального развития реальной экономики «реального социализма». Если принять их во внимание, то можно показать, в какой мере действительно «работало» это отношение воспроизводства, а в какой мере в мировой системе социализма «работали» другие механизмы воспроизводства. Кроме того, можно показать, в какой мере эта связь «работает» сегодня и в какой мере разрушение экономического потенциала ведет к разрушению человеческих качеств и обратно; в какой мере преодолевается эта негативная взаимосвязь в трансформационной экономике и т. п.

И это принципиально значимо, ведь *главные потери нашей страны – это именно потери человеческого потенциала, невозполнимых природных ресурсов, разрушение высоких технологий и т.д.* Наконец, эта фундаментальная связь хотя и кажется совершенно очевидной, но не отображается в современной теории в явном виде как воспроизводственная закономерность, как закон воспроизводства экономики, основанной на творческом труде. Этого нет даже в работах по постиндустриальному обществу; тем более в этих работах не найти тех выводов, которые из этого следуют.

А теперь обратимся к главному вопросу, который мы обсуждали: являлась ли эта политическая экономия наукой или нет?

2. Идеализация несуществующего объекта или позитивный анализ посткапиталистической экономики?

Основные аргументы, высказанные против: первое – у политической экономии не было и нет адекватного объекта исследования и, следовательно, предмета для этой науки. Второй аргумент – эта наука не может быть использована для решения практических задач как инструмент теоретический, позволяющий развивать практику.

Я бы хотел прокомментировать оба вопроса. Прежде всего, об объекте, который может исследовать наука, размышляющая о будущей экономической системе социализма как начала нового общества.

2.1. Об объекте политической экономии социализма

Вопрос о том, есть ли некое общество, приходящее на смену капитализму, возможно ли оно вообще, является принципиально значимым. Нами предполагается, что рыночная капиталистическая система исторически ограничена, и в какой-то момент времени на ее базе вырастет некоторая новая экономическая система. Теперь вопрос о том, что можно исследовать сегодня? Как минимум можно исследовать следующие процессы.

Первый – те реальные *противоречия буржуазной системы, которые требуют своего разрешения, рождения нового качества экономики и социально-экономических отношений*. Диалектический метод позволяет *так* ставить эту проблему и *так* решать задачу. Это – реальный объект. Мы можем показать и эти противоречия, и то, в каком направлении можно искать их разрешение.

Второй реальный объект, который мы можем исследовать – *развитие материально-технической базы экономической системы (производительных сил) и культуры человека как тех «под» и «над» экономикой лежащих пластов, которые требуют определенных изменений в экономических отношениях*. Своего рода «вызов» новой, посткапиталистической и пострыночной экономике со стороны развивающейся материально-технической базы, с одной стороны, и культуры человека – с другой стороны. Это тоже реальный объективный процесс, который мы можем изучать и на этой базе делать выводы: такая-то экономическая система может дать ответ на эти вызовы, а такая-то – не может.

И именно здесь именно политическая экономия социализма в ряде своих наиболее творческих работ по теории труда, проблеме человека, НТР и т. п. показала, почему и как производительные силы и Человек новой эпохи (то, что на Западе, сильно сужая проблему, назвали «постиндустриальной системой») требуют ориентации экономики на обеспечение свободного развития человека и социальной справедливости (реализации т. н. «основного экономического закона социализма»). И в этом наша наука совпадала в своих выводах с работами таких западных теоретиков, как Аурелио Печчеи и мн. др. Более того, не следует забывать, что при всех недостатках потребительской сферы по параметрам человеческого развития СССР был далеко не на последнем месте даже среди развитых стран. Так что никакой необходимости в пересмотре модели социалистической экономики при апелляции к постиндустриальным тенденциям я не вижу. Другое дело, что автор ведет речь о работах творческого марксизма, а не сталинистских брошюрах.

Третий объект, который может изучаться, – *реальные ростки нерыночных, некапиталистических отношений в современной глобальной мировой экономике*. Настоящее «беременно» будущим и есть ключ к пониманию его генезиса.

Четвертый объект, который мы можем изучать, – это *экономика Мировой социалистической системы* и, в частности, СССР. Как бы мы ни характеризовали эту систему, достаточно очевидно практически для всех – правых, левых, центристов, – что эта система существенно отличается (не будем забывать, что экономики, ориентированные на создание социализма, сохраняются и ныне) от классической рыночной капиталистической экономики, а о том, социализм ли это был или нет – чуть ниже.

Таковы основные реальные объекты, которые можно изучать. Вопрос – как их изучать и что из этого можно извлечь – это вопрос принципиально важный, но иной. Вот почему говорить, что нет объектов, по меньшей мере, некорректно.

Другое дело, что у политической экономии социализма, действительно, нет готового ставшего предмета. Однако науке известно изучение процессов, которые не существуют в развитом виде. Например, наука об освоении космоса при помощи искусственных аппаратов (причем именно наука!) была создана задолго до того, как началось освоение космоса при помощи искусственных аппаратов. Исследовались внешние условия движения космических тел, некоторые противоречия системы, которые должны быть разрешены. Была создана наука о том, какими могут и должны быть космические аппараты, и лишь после многих десятилетий неудач первая ракета вышла в космос.

Конечно, в социальных науках прямые аналогии с естественными науками вообще мало употребимы. Но, тем не менее, эта аналогия еще раз указывает на *наличие реальных объективных процессов, которые можно и должно исследовать с тем, чтобы строить и обосновывать научные гипотезы и теоретические выводы, создавая элементы научной политической экономии социализма.*

2.2. Нормативная или позитивная?

И все же моя основная задача состояла не в том, чтобы абстрактно размышлять о том, наука политэкономия социализма или нет, а в том, чтобы, исходя из некоторых абстрактно-методологических критериев, сделать акцент на соотношении нормативного и позитивного начал в нашей науке. Выше я попытался показать, что если мы можем при помощи некоторой теории лучше понять закономерности функционирования экономических объектов в прошлом и настоящем и прогнозировать их развитие на будущее, что будет подтверждено в недалеком прошлом, значит это – наука. И все остальные размышления об объекте становятся как бы уже вторым делом.

Выше автор показал, какие именно понятия, категории, связи, закономерности могут быть использованы для понимания природы советской системы, понимания природы нашей российской трансформационной экономики и понимания мировой экономики.

Однако здесь возникает ряд проблем.

Проблема идеальной модели социализма и «реального социализма». Я не хочу сейчас вступать в спор о том, что у нас реально было в СССР, – на эту тему я уже многократно высказывался в печати⁹. Но когда я говорил об идеализации превращенных форм, я имел в виду следующее. Политэкономия социализма, вырастая из исследования не столько нашей реальности (это существенный момент, который прозвучал в дискуссии, и я благодарен за это участникам дискуссии), сколько из анализа противоречий производительных сил и производственных отношений, внутренних противоречий капитализма, в том числе постиндустриальной эпохи, и общих противоречий экономической формации конструировала модель экономической системы социализма.

Так, основной экономической закон социализма выводился не столько из исследования реальных процессов в СССР, сколько из анализа противоречий производительных сил и производственных отношений и закономерностей заката «царства необходимости», экономической системы, основанной на ограниченности ресурсов. Точно так же планомерность выводилась главным образом из противоречий процесса обобществления, противоречий развития рыночной системы, тенденций подрыва рынка и развития неполной планомерности при империализме и т. д.

Данная модель, как правило, апологетически сопрягалась с реальностями нашей эпохи, когда мы утверждали, что именно этот идеал реально воплощен в СССР. Мы не критически переносили теоретическую модель, выработанную определенным образом, на реальность. Но при этом *мы изучали и реальные экономические отношения нашего общества*, что помогало эту теоретическую модель существенно уточнить, детализировать и сделать более реальной. В какой мере кто сумел это сделать – вопрос очень интересный. Спор рыночников кронродовской

⁹ См., напр., мою статью «Мутантный капитализм как продукт полураспада мутантного социализма» (Вопросы экономики, 2000, № 6).

школы и университетской школы, и, более широко, рыночников и нерыночников, – лишь один из аспектов этой проблемы. И ныне даже многие из экс-рыночников признают, что цаголовская трактовка социализма как плановой в своих исходных определениях системы была ближе к реальности, нежели модель рыночного социализма. При этом они, однако, настаивают на том, что единственно жизненной и стабильной системой может быть исключительно рыночный социализм (с чем не согласен), – но это опять же особый вопрос.

Продолжим. При таком подходе, при отделении нашего исследования идеализированных форм от анализа реальных процессов очень важно показать, что это на самом деле плодотворный подход, что кроме апологетики он может содержать в себе большой позитивный заряд, если мы отличаем идеализированную модель от реальности и не подменяем реальности ее идеализированной моделью, поскольку он позволяет показать, каков объективный «заказ», требования современных производительных сил, культуры и т.п. к оптимальному (исходя из критерия прогресса Человека как высшей ценности и главного ресурса развития новой эпохи) облику экономических систем. Затем мы можем сравнить эту модель с тем, что мы имеем реально. И это сравнение нормативного теоретического исследования с позитивным анализом реальных процессов принципиально важно.

При этом на самом деле, что самое интересное то, что *нормативный подход* (если он исходит не из утопий и благопожеланий, обслуживая заказ той или иной господствующей силы – например, лозунг построить за 20 лет материально-техническую базу коммунизма или за 500 дней рыночную экономику, – а из анализа объективных законов развития метасистемы, например – экономической формации) *позволяет анализировать сущность реальных процессов, а не только их эмпирически данные формы.*

Так, в товарном мире эмпирически данным является то, что вещь правит человеком, и в отношения вступают вещи, а не люди. Это эмпирически дано, это факт. И исследователь это должен отразить: вещи относятся с вещами, товары – с деньгами и т.п. Но исследователь, который понимает, что экономика в целом является отношениями людей (а это продукт теоретического обобщения марксизма), может увидеть за отношениями вещей отношения людей и показать их реальные противоречия. Точно так же экономика реального социализма была дана как система директивного планирования, в котором основные параметры определялись в центре, товарные отношения регулировались Госкомцен, и т. д. и т. п. Но исследователь, который понимает, что это превращенная форма реальных объективных процессов, мог понять, что за этим скрывалась плановая сделка, дефицит, псевдо-административные цены (я выражаюсь на языке Корнаи, можно было бы сказать это на другом языке).

Методология соединения нормативного и позитивного подходов, различения сущности и явления принципиально значима для понимания сегодняшней реальности, если мы не хотим быть такими же апологетами «успешных рыночных реформ», как ранее были апологетами «развитого рыночного социализма».

Так, мы можем некритически использовать данные, которые нам дал Госкомстат, – у нас приватизирован 71% предприятий (на самом деле это значит, что им присвоили вывеску акционерных предприятий) – и сделать вывод, что частная собственность восторжествовала в экономике России. Но серьезный исследователь, использующий методологию анализа сущностных процессов, будет «копать вглубь», исследуя, как реально устроены эти предприятия, как там работник соединяется со средствами производства, какие механизмы присвоения и отчуждения (быть может, феодальные или государственно-патерналистские) там на самом деле господствуют и т. д.

Иными словами, *понимание апологетичности политэкономии социализма реверсивно очень важно для понимания нашей сегодняшней экономической теории, тоже во многом апологетической. То же самое касается и политэкономии, описывающей западную хозяйственную систему.*

При этом, когда ты говоришь, что политэкономия социализма была апологетичной, с этим все соглашаются очень легко, но *с апологетичностью неоклассики сегодня никто не хочет соглашаться.*

И здесь перед нами всего лишь кривое зеркало нашего прошлого: тогда власть принадлежала «социалистам» и апологетической была буржуазная теория, сейчас – «капиталистам», и печать апологетики применима лишь к политэкономии социализма. На самом же деле *проблема*

всякой политической экономии состоит в различении (1) научного анализа сущностных процессов, (2) позитивно-некритического описания превращенных форм и (3) прямого обслуживания правящих слоев при помощи абсолютно некритической интерпретации специально подобранных фактов.

В этой связи не могу не заметить, что политическая экономия социализма, конечно же, использовала (как минимум, в лице университетской школы) метод, примененный ранее в «Капитале». Но именно политическая экономия социализма с наибольшей очевидностью высветила как возможные позитивные результаты, так и проблемы, ошибки, связанные с использованием этого метода. Вот почему мы столь большое внимание уделяем как достижениям (построение структурированной модели «исходного», «основного» и т. п. производственных отношений, выделение механизма функционирования экономики и т. п.), так и фундаментальным «порокам» (апологетика и т. п.) нашей науки в области методологии.

2.3. О некоторых конкретных проблемах политической экономии социализма: трактовка государства и его функций

Прежде всего, мне хотелось бы акцентировать принципиально значимый для современной экономической теории (включая теорию рыночной экономики современной эпохи) подход к трактовке государства – его экономической природы и функций. Политическая экономия социализма показала, что это не вмешательство внешних политических сил в экономику, а рождение нового экономического субъекта новых (нерыночных по своей природе, более того, как я постарался показать выше – пострыночных, компенсирующих «провалы» рынка) производственных отношений. В том и смысл политэкономии социализма, что она перераспределение ресурсов при помощи государства трактует не как административный процесс, а как объективное экономическое отношение, которое вызвано к жизни современным развитием производительных сил, культуры и мирового сообщества. И это ее достижение сегодня необходимо применить для трактовки государства.

Я готов поспорить, что без политэкономии социализма мы сегодня целостную модель экономических функций государства в развитой рыночной экономике не нарисуем, что любой учебник экономики систему экономических функций государства трактует уже, чем политэкономия социализма. Сравните, как описаны «провалы» рынка в этих учебниках и как это может быть сделано с использованием политэкономии социализма. В написанной совместно с А.И. Колгановым книге «Теория социально-экономических трансформаций» (М., 2003) я предложил такую схему и сейчас отмечу лишь некоторые ее крупные блоки. В основу систематизации этих блоков положим основные параметры структуры экономической системы, выделенные нами выше (кстати, то же опираясь на достижения политической экономии социализма).

Так, «исходное производственное отношение» или, на современном языке, *отношения координации* (напомним, что их видами являются натуральное, товарное и плановое хозяйство) предполагают наличие определенных функций государства по участию в процессах (ниже дается минимальный перечень таких функций) формирования пропорций в экономике, отношений обмена и трансфертов, качества и цен. По всем этим параметрам в современной рыночной экономике государство ведет определенную деятельность. Это (1) прямое (государственный заказ, инвестиции, закупки, направленные, например, на развитие ВПК, образования, фундаментальной науки, аэрокосмических программ и т. п.) и косвенное (налоговые и таможенные льготы, дешевые кредиты и т. п. средства структурной политики) регулирование пропорций; (2) нормативы качества почти на все виды сельскохозяйственной продукции и продуктов питания и мн. др.; (3) государственное регулирование цен и правил ценообразования (являющееся правилом в области цен на многие тарифы, потребительские товары и т.п.); (4) определение правил и механизмов взаимодействия рыночных агентов в широком диапазоне – от правил торговли до антимонопольного законодательства (это один из подвидов более многообразной функции регулирования институтов, о которой ниже) и мн. др.

«Основное производственное отношение» и весь комплекс оформляющих современную экономику *отношений собственности* предполагает политико-экономическое исследование не только (1) государственной собственности (о ней как особой сфере экономических отношений, а не просто

«провале рынка» экономикс как таковой тоже предпочитает не распространяться; политическая же экономия социализма показала, что *за формой государственной собственности скрывается об- ласть новых экономических отношений, возникающая там, где и когда государство действует не как особый «сверх-капитал», а как действительный представитель общенародных интересов;* кстати, выделение этих интересов и их реального экономического содержания – тоже одна из за- слуг нашей науки) и (2) функций государства по охране прав собственности (здесь неинституцио- нализм сделал немало), но и (3) включение государства в регулирование распределения прав собст- венности (я нарочито использую современный язык для обозначения того, что наша наука исследо- вала в связи с проблемами хозрасчета и распределения экономических правомочий в отношениях между государством и предприятием; а ведь ныне государство существенно ограничивает права частного собственника в области распоряжения его же собственным имуществом), а также (4) ре- гулирование деятельности по использованию такого государственного имущества, как земля, не- дра, культурные ценности и т. п. блага, значительная часть которых находится в государственной собственности разных уровней, (5) поддержка малого бизнеса (как известно, *в условиях нынешней конкуренции этот тип собственности не может выжить без поддержки государства*), (6) со- действие демократизации отношений собственности (например, планы ESOP в США и Западной Европе) и многое другое. Конечно же, прямо политическая экономия социализма эти функции не исследовала, но именно она дала ту методологию исследования экономических функций государ- ства – а именно, отношение к государству как субъекту нового типа экономических отношений, – которая подталкивает исследователя к поиску именно этих отношений и, как следствие, нахожде- нию все новых и новых «забытых» неоклассической теорией, но в жизни развивающихся объек- тивных экономических процессов.

Блок *социальных параметров экономики* («основной экономической закон») выявит ог- ромный пласт отношений по сознательному регулированию (1) трудовых отношений, отноше- ний труда и капитала (от социальных норм до трехсторонних коллективных договоров), а так- же (2) занятости (не только пособия по безработице, но структурная политика и стимулирова- ние занятости в современных секторах, например, бесплатные компьютерные курсы), опосре- дуемые государством (3) пострыночные механизмы распределения, такие как бесплатное об- щедоступное распределение многих благ (например, бесплатное среднее, а во многих странах – ФРГ и др. – высшее образование и мн. др.), социальные трансферты, налоговое перераспреде- ление доходов и т. п.

Еще более многообразны функции государства в области *регулирования отношений вос- производства и функционирования экономики*. В частности, именно здесь «располагается» весь объем функций государства по регулированию макроэкономической динамики (роста и т. п.), финансово-кредитной системы и мн. др. Я не буду здесь уходить в детали – это не предмет данного текста.

К экономическим функциям государства отнюдь не сводятся пострыночные отношения, исследованные (частично, не полностью, перемежая теоретические достижения и апологетику мутантного, бюрократического «социализма») нашей наукой. Из числа конкретных проблем укажу также на разработку проблемы нерыночных ценностей и стимулов. К аксиомам нашей науки относилось выделение творческого труда, свободного времени и неотчужденных соци- альных отношений («коллективизм», свободная работающая ассоциация) как важнейших сла- гаемых экономической жизни эпохи рождения постиндустриального общества (эпохи НТР). Не менее интересные разработки были сделаны в области выделения социально-экономической (выдвигающей интегральный фонд благосостояния и свободного гармоничного развития лич- ности, а не только денежного дохода в качестве соизмеряемого с затратами результата разви- тия), экономической теории самоуправления и мн. др.

Позволю себе также дополнительно аргументировать кажущуюся очевидной, но редко ак- центрируемую (если вообще упоминаемую) тезу, сформулированную выше: если развитие го- сударственного и социального (сознательного, централизованного, во многом планового) регу- лирования; широкое внедрение экологических, социальных, гуманитарных норм; все более ши- рокое распространение общественной собственности во всем многообразии ее форм; передача общественным (не частным, некоммерческим структурам) ряда прав собственности даже на предприятия рыночного сектора (контроль, ограничения и т. п., находящиеся в руках государ- ства, профсоюзов и других НПО); производство, распределение и использование общественных

благ (в том числе наиболее значимого для постиндустриального общества ресурса – культурных ценностей, фундаментальных знаний, базовых «человеческих качеств» – общедоступность большей части образования и здравоохранения в развитых европейских странах) и т.п. есть «провалы рынка» (термин неоклассики; я бы сказал – рынка и капитала), то...

То эти феномены можно и должно считать ростками именно пострыночных и посткапиталистических отношений. Аргументация здесь проста: все названные феномены явно нельзя причислить к до-рыночным, до-капиталистическим (рабовладельческим, феодальным) экономическим феноменам; они стали массовым явлением и научной проблемой лишь на этапе позднего капитализма, развитого рынка и являются сферами, где рынок уже не эффективен (с точки зрения новых – социальных, гуманитарных, экологических и т. п. критериев), следовательно, это более развитые, более прогрессивные (с точки зрения названных выше новых критериев, обретающих все большую актуальность по мере движения к постиндустриальному обществу), чем рынок, т. е. пострыночные отношения.

Вот почему я хочу повторить еще раз, что политэкономия социализма как наука, дающую объяснение реальным экономическим связям при помощи определенной системы категорий и понятий, можно использовать для, *во-первых*, понимания нашего прошлого (с учетом того, что она дала очень специфическую картину этого прошлого); *во-вторых*, для понимания природы нашей переходной экономики, и, *в-третьих*, для понимания черт пострыночной, посткапиталистической экономической жизни в сегодняшней реальной экономике, в экономике будущего. В частности, я берусь утверждать, что *в сегодняшней мировой экономике существуют пострыночные, посткапиталистические отношения в области координации, собственности, распределения доходов, воспроизводства, мотивации и т.д.* Для понимания этих механизмов политэкономия социализма (при ее критическом использовании) полезна и необходима, поскольку она наработала многое такое, чего не знают современные теоретики или что они узнали позже и в ограниченных масштабах и под очень специфическим углом зрения.

* * *

При этом я хочу вновь повторить: *прежде чем использовать какие-либо достижения политической экономии социализма, мы должны проделать тяжелую, но абсолютно необходимую работу по нелицеприятной критике нашей науки как ненаучной в той мере, в какой она ориентировалась на обслуживание самосознания правящего класса советской системы.*

В то же время не следует впадать в чрезмерную эйфорию, останавливаясь лишь на внешней характеристике прежней системы как плановой, опирающейся на общественную собственность и распределение по труду, быстро растущей и якобы пропорциональной. Не столько сравнение с абстрактным идеалом (кстати, и этот идеал, как я постарался показать выше, был не придуман, а главным образом абстрагирован из реальных процессов и явлений), сколько анализ реальных отношений. Мы не можем забывать, что экономика МСС была полна глубоких противоречий, в том числе и тех, что тормозили технический, социальный и гуманитарный прогресс, обуславливали политический и идеологический авторитаризм (и воспроизводились им), вплоть до чудовищных форм сталинизма. *Противоречие централизованного планирования и плановых сделок, бюрократизма, ведомственности; ростки гармоничного развития личности и чудовищные провалы в сфере личного потребления; опережающее развитие ключевых отраслей и повсеместный дефицит... – все это практика нашей экономики прошлого, адекватно отображавшаяся лишь в некоторых полудиссидентских работах, открыто появившихся в малотиражных научных изданиях только в начале 80-х годов XX ст., но игнорировавшаяся нашей официальной наукой.*

Есть у нашей науки и ее собственно теоретические глубинные недостатки, недоработки. Не менее чем любая другая сфера научной деятельности, *политическая экономия социализма включала огромное количество низкокачественных, вторичных и просто халтурных работ, ориентированных на реализацию чисто карьерных целей* (вот почему, говоря о достоинствах нашей науки, мы имели в виду наиболее интересные тезисы наиболее интересных работ, а не все те сотни тысяч книг и статей, что выходили в странах МСС). Более того, и специфика ее объекта (ростки, тенденции, мутантные формы...), и особые условия работы ученых (авторитарный режим и цензура в МСС, где номенклатура была не заинтересована в истинном ото-

бражении дел; отторжение этих разработок профессиональным сообществом и вытекающая из этого маргинализация на Западе вследствие подчинения науки и образования капиталу), и – главное – распад и кризис первых экономических систем, называвших себя социалистическими, – все это не могло не привести к фрагментарности и недостроенности здания нашей науки (хотя даже эти ростки являются одним из высоких примеров стремления к системности), переплетению крупниц истины и научных открытий с (повторю) откровенной апологетикой и прямым недомыслием.

Тем важнее серьезный анализ достижений нашей науки и (особенно!) ее ошибок и трагедий для современной науки, учет обеих *неразрывно связанных сторон нашей науки*. Другое дело, что выше я постарался выявить, прежде всего, позитивные достижения нашей науки, хотя никогда не забывал оговорить реальные противоречия прошлого.